

УДК 94(47).042+94(476)

ББК 63.3(2)44

DOI 10.25797/NG.2020.8.4.005

А. А. Бабенко, О. В. Комаров

ВОЙНЫ МЕЖДУ ОЛЕГОМ РЯЗАНСКИМ И ВИТОВТОМ

Аннотация: В статье рассматриваются войны между рязанским князем Олегом Рязанским и великим литовским князем Витовтом. Производится разбор летописных данных об этих войнах. На основе документальных и летописных источников показан политический фон событий.

Ключевые слова: Рязань, Великое княжество Литовское, Витовт, Олег Иванович, Смоленск, Любутск, Верховские княжества.

Среди множества других противников ВКЛ XIV–XV вв. было и Рязанское княжество. Источники показывают две войны (1395–1396 и 1401–1402 гг.), которые происходили между великим князем Олегом Ивановичем Рязанским и великим князем литовским Витовтом Кейстутовичем. Они переплетались с войнами Витовта за обладание Смоленском (сентябрь 1395, 1401–1404 гг.). Эта тема затрагивалась в большинстве работ, которые касались региона Смоленск – Верхняя Ока – Рязань на рубеже XIV–XV вв. Наиболее полно она отображена в статье Беспалов Р. А. «Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I»¹. Вопро-

сы вызывают поздние летописные данные, дополняющее повествование московского летописания, поэтому требуется провести соответствующие летописеведческие изыскания. В свою очередь, для этого нужно понимать географию и политическую реальность региона, в котором происходил конфликт.

Летописи XIV–XV вв.

Московское летописание

Московское летописание рубежа XIV–XV вв. наиболее точно сохранилось в Московском летописном своде конца XV в.² (далее – МЛ). Этот свод использовался как свод 1418 г. (сохранился в летописях в Новгородской Четвертой и Софийской первой младшего и старшего извода), так и протограф Троицкой летописи. Троицкая летопись сохранилась только в выписках Карамзина, и среди них данных по интересующих нас событиям практически нет. Значительная

¹ Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I. // Средневековая Русь. Вып. 12. 2016. М., 2016. С. 129–182.

² ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004. С. 225, 226, 227, 231, 232.

часть повествования о литовско-рязанской конфронтации, известного по МЛ, есть и в своде 1418 г.³ (повесть о взятии Смоленска в августе 1395 г., сообщение о набеге литвы на Рязань зимой 1395/96 г., повесть о взятии Смоленска в 1401 г.). Часть сообщений в МЛ взята из другого источника (вероятно, из свода 1408 г.). Сообщение о сражении под Любутском в 1402 г. в своде 1418 г. текстологически совпадает с МЛ, но если в МЛ правильно читается имя сына Олега Рязанского (Родослав), то в летописях, содержащих свод 1418 г., читается Ярослав или Рослав. По этим причинам удобно пользоваться МЛ – как источником, точно отражающим использованные летописи.

Описание событий в МЛ начинается с повести «о взятии Смоленска». Под 1395 г. *«Тое же осени князь великы Витовт Литовскыи, събрав силу велику около себе, и поиде ратью, творяся на Темир Аксака. И промчешя всюду слово то, яко идет Витовт на Темир Аксака. Се бо внесе того ради, да ся бы Смоляне оплошили, а в то время князи Смоленстии в разности бяху про отчину. И бывшу Витовту под Смоленском и выеде к нему князь Глеб Святославичь не в мнозе, он же чьстив его и одарив отпусти с миром и с любовию, рек ему: «выедите ко мне вси князи с любовью, слышал бо есмь, что есть промежи вами неодиначество и недружба велика, и какво межси вами будет слово или пря, да сошлетеса на*

меня, ко на третей, и аз межси вами в правду разсмотрю». И тако створи над ними обещь, а они веру емишу словесем его лукавым, выидоша к нему с дары, все братеникы Святославичи и все князи Смоленьскые и з бояры своими, а в граде не един их не остана, чаяху бо, чко в правду разсудить их. Он же поймав всех князей Смоленьских и посла в свою землю Литовьскую, а посад пожьже, а люди многы пополни, и такое взя княжень Смоленьское за собя и наместника своего посади князя Яманта да Василья Бореикова. Се первое взатье Смоленску от Витовта, сптевриа в 28. А князь Юрьи Святославич в то время бе на Рязани тестя своего Олга».

Последняя запись мартовского 6903 г. (зима 1395/1396 г.): *«Тое же зимы князь великы Витовт посылал рать на Олга Рязанского, Литва же шедше повоеваша землю Рязанскую и отъидоша в свояси». Далее из литовских событий под 1396 г. «Тое же весны за две недели до велика дни князь ввеликыи Василей Дмитриевич еде с Москвы в Смоленекс видетися со тьстем своим Витовтом и быв у него възратися на Москву, а с ним же вкупе и Киприян митрополит был у Витовта, и постави на велик день Насона епископа в Смоленце и отоле идет к Киеву и тамо пребысть полтора года». Далее сообщение о смерти Стефана Пермского 26 апреля. Далее «того же лета князь Олег Рязански прииде ратью к городу к Любутьску, горожане же затворишася и бьются с ним з города. Князь же великы посла к нему и отведе его от Любутьска. На ту же осень о Покрове [1 октября] князь великыи Витовт иде ратью на Рязань и прогна князя Олга, а землю Рязаньскую*

³ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925. С. 378-380, 391.; ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851. С. 246-248, 252.; ПСРЛ. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000. Стб. 511-513, 521-522.

всю плени, а люди и съсече и в полон поведе. Тогда был Витовт на Коломне, князь же велики видеса ту с ним и многу честь и дары вдасть ему».

Под 1401 г.: «Того же лета месяца августа князь Юрьи Святославич да князь Олег Рязаньскы приидоша к городу Смоленску, а в Смоленьске бысть в то время мятеж и крамола, ови хотиху Витовта, а друзии отчича своего. Князь же Юрьи сослася с горожаны, а они не можаху терпети насильства от поганых ляхов и предашася князю Юрью, отвориша ему град, а во граде седел тогда от Витовта князь Роман Михайлович Дьбрянскыи, и наместници Витовтовы поимаша, князя же Романа убиша и бояр побиша брянских и смоленских, которои князь Юрья не хотел, а княгиню Романову и дети отпустиша. И такое князь Юрьи взя Смоленск и седе в своей отчине. И князь велики Витовт тое же осени прииде рать к Смоленску на князя Юрья Святославича и стоя много днии под Смоленском и не взял его поиде в свою землю, перемирье взяв. А в граде в Смоленьске тогда крамола бысть, люди посекоша много, и мор на люди бысть».

После сообщения за 6 мая 1402 г. есть запись: «Того же лета князь Родслав Олгович Рязаньскы иде ратью на Брянск, и сретоша его князи литовьстии, князь Семен Лугвени Олгердович, князь Александр Патрикевич Стародубьскыи, и бысть им бои у Любутьска, и побиша литва рязанцов, а князя Родслава изымаша и приведоша его с нужею к Витовту и сковаша его въвергоша в темницу, и пребысть в нужи тои великои 3 лета, донде же Витовт взял на нем 2000 рублей окупа

и отпусти его. Того же лета июля в 5 преставися князь Олег Рязаньскыи».

В летописном своде 1418 г. краткие сообщения о войне между Рязанью и Литвой ошибочно смещены на 6901 г. (1393/94 по мартовскому летоисчислению): «Василеи князь с своею княгинею еха в Смоленьск на повидание к тестю своему Витовту. И князь Олег ходил ратью к Любутескоу, а Литва Рязань воевали».⁴ Это сообщение нередко принимают как данные о рязанско-литовской войне еще до Смоленского взятия. Но в этом своде краткие сообщения, взятые из московского погодного летописания, смещаются очень часто.

Новгородская первая летопись

В Московской летописи, наряду с лаконичными сообщениями, видим повести (события сентября 1395 г., августа 1401 г., 1402 г.), которые характерны литературным оформлением и отсылкой к будущим событиям. Такие повести не могли быть в погодных записях, а составлялись позже. Новгородская первая летопись представлена именно погодным летописанием, то есть, имеем данные, максимально близкие к первой распространившейся информации. Под 1395 г.: «Тои же осени князь Витовт Литовьскыи взял город Смоленск и наместник свои посади, а князь Юрьи Святъслялич бежа на Рязань». Под 1396 г.: «Того же лета ходи князь Витовт Литовьскыи на Рязань и волости повоева»⁵. Сообщение о занятии смоленского

⁴ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. С. 373.

⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950. С. 387, 388.

престола Юрием Святославичем в 1401 г. дано без упоминания Олега Рязанского. Под 1402 г.: «*Воеваше князь Рослав Олгович Рязаньский землю Литовскую; и князь Семеон Олгердович, наихавна него, самого князя Рослава изима и приведе князю Витовту, а вои его изби. Взяша новгородци с князем Юрьем Смоленским мир. Преставися князь Олег Рязаньский*»⁶. Упоминание о далеких рязанских событиях говорит об их значимости (соответственно, зимний поход литвы и поход на Любутск в 1396 г. на их фоне терялись).

«Летописец великих князей литовских»

«Летописец великих князей литовских» является компиляционным произведением, составленным с целью обосновать приход Витовта к власти. Годы и числа там не указаны (только смоленские события 1386 г., киевские и подольские события 1394 г., а также указанные ниже события частично привязываются к времени года). Составлена, судя по всему, в Смоленске к концу правления Витовта. В т. ч. при составлении использовалось московско-новгородское летописание⁷.

Смоленское погодное летописание вычленяется из текста источника лишь с 1430-х гг. (а в других регионах ВКЛ – только с конца XV в.), а более ранняя хронология в литовских летописях бралась из московско-новгородского летописа-

ния. Поэтому среди литовских источников Летописца могли быть только отдельные повести и устная память.

Летописец оканчивается как раз смоленскими и рязанскими событиями осени 1395 – весны 1396 г.⁸ Повествование о взятии Смоленска в Летописце текстологически не связано с соответствующей повестью в МЛ⁹. Следующее за ним повествование можно сравнить с МЛ. Курсивом показаны текстологические различия.

⁶ Там же. С. 397.

⁷ Лицкевич О. В. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских» // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Беласто, 2017. С. 35-79.

⁸ ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980. С. 65, 72.

⁹ Лицкевич О. В. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских». С. 76.

Супральская летопись	Московский свод конца XV в.
<p>На ту же зиму посла князя Семена Лынгвена со многими ратьми и смоленскими ратми на князя Олга рязанского. И сплениша многое</p>	<p>В лето 6903... Тое же зимы князь великы Витовт посылал рать на Олга Рязанского. Шедше повоеваша землю Рязанскую и отъидоша в свояси</p>
<p>множество Рязанския земли, и возвратишася с победою восвояси.</p>	<p>В лето 6904... землю Рязаньскую всю плени</p>
<p>Тогда же бе зима велми студена.</p>	<p>В лето 6901... зима же сиа студена бысть велми, яко мнозем человеком от мороза измирати на путех, тако же и скоти умираху¹⁰</p>
<p>Тои же зимы на весну приехал князь же великыи Василей Дмитриевичь московский ко чыщю своему, виликому князю Витовту, во Смоленескъ во великое говение. <i>И учти князя великого Витовта многими дарми: чепьми золотыми и поясы золотыми, и соболми, камками и суды златыми, и бахматы. И князь же великыи Витовт зятя своего, великого князя, учти и удари разьличьными дарми: сажеными порты и дорогими оксамиты, и многоценными камъками, и гинишьты во седлах золотых снастех, чюду достойных, и отпустить ко граду Москве с великою честию, а самъ поеде к Литви</i></p>	<p>...тое же весны за две недели до велика дни князь великыи Василей Дмитриевич еде с Москвы в Смоленекс видетися со тьстем своим Витовтом</p>

¹⁰ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 221. В Троицкой летописи: «была зима зело студена, яко мнозем человеком измерзати и издыхати, не точью человеки, но и скоти; еще брашню суцу в во устех их внезапно обрести мертву от мраза на пути» (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950. С. 444.).

Сразу виден компилятивный характер сообщения летописца. Термин «пленения» вместо «воевали» взят из последующего повествования, о походе Витовта на Рязань (оборот «пленили землю» в летописании минимум на порядок реже употреблялся, чем «воевали землю»; в Летописце это единственный пример на несколько «воевали»). Указание об аномальной зиме взято из позапрошлого года, хотя зимой 1395/96 г. происходил московский поход на Булгарию, но об аномальных морозах не говорилось. При этом Троицкая летопись сообщает о природных явлениях за эту зиму: *«декабря 26, в неделю, в час ночи гибль месяц и бысть аки кровь и по двою часу паки света исполнися»*¹¹.

В этом контексте следует поставить вопрос о добавлениях в Летописце: имя литовского военачальника во время набега (Лугвен), участие в набеге смоленского войска, обмен подарками в Смоленске между Витовтом и Василием Московским. Выглядят они достоверно, могли быть взяты из устной памяти, но построение всего повествования на основе компиляции из московского летописания заставляет сомневаться в существовании в цельном виде «смоленской версии» данных событий.

Семен-Лугвен Ольгердович был одним из наиболее активных военачальников Витовта на востоке ВКЛ, возглавлял ряд походов, был женат на сестре Василия Московского, периодически находился на новгородской службе и московскому

летописанию был хорошо известен (в МЛ говорится, что он возглавлял поход на Любутск в 1402 г., на Вязьму в 1403 г., отмечается его участие в Смоленской осаде 1404 г.). Поэтому возникает вопрос, почему он не упомянут в описании зимнего похода? Допустимо предположение, что Лугвен появился в результате совмещения с другими летописными известиями (например, с сообщением о битве Лугвеня с рязанцами под Любутском), а «смоленскую рать» добавил в идеологическом ключе летописца, чтобы показать привязанность смолян к Витовту. Сама известность Лугвеня, в т. ч. в походах против Москвы и Рязани, участие смолян в подобных походах могла дать повод составителю сделать именно такое добавление – то есть, строго говоря, данное добавление нельзя признать однозначным фактом.

Термин «бахматы» (татарские кони) был в ходу в Польше и ВКЛ (это одно из наиболее ранних упоминаний), но не в Московской Руси, где он известен только в XVI–XVII в. и исключительно по отношению к коням из Литвы. То есть, это однозначно литовское по происхождению добавление. Это, с большой долей вероятности, не соединение двух источников, а добавление на основе общих представлений о московско-литовских посольских подарках.

Никоновская летопись

Эта летопись, составленная примерно на рубеже 1520-30-х гг., вобрала в себя очень широкий пласт летописания. Использовались там и рязанские летописные источники. Но использование боль-

¹¹ *Приселков М. Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. С. 446.

шого числа разнородных источников приводило к дублированию событий, к путанице по датировке. Также отличительно чертой НЛ была основательная литературная переработка повестей и сообщений, в результате чего «реконструированные события» заметно отличались от изначального повествования (так были, например, переработаны Сказание о Мамаевом побоище, повесть о битве на Липице, повесть о побоище на Ворскле). Поэтому использование НЛ всегда требует внимательного изучения, чтобы отделить данные из несохранившихся летописных источников от творческих домыслов составителя. Представляется методологически верным сразу распределить повествование в НЛ о данных событиях по стилистике.

Повесть о войне Олега Рязанского и Витовта Литовского

Из сообщений о рязанско-литовских отношениях в НЛ можно условно выделить данную повесть, характеризующуюся высоким стилем и пространным содержанием. Из повествования МЛ здесь текстологически использовались лишь повести о взятии Смоленска в 1395 и 1401 гг. Под 1395 г. *«тое же осени брать бысть в Смоленск великому князю Смоленскому Юрью Святославичю и брату его Глебу Святославичю и прочим братиам их Святославичем, и бяху вси межю собою в разности и в ненависти велице и враждоваху друг на друга про уделы отчины княжения своего; и бысть в них замятня велиа и не посшушаху брат брата и друг друга. Съжалив же си князь велики Юрьи Святославич и возстужи зело и иде на*

*Рязань ко тстю своему, к великому князю Олгу Ивановичю Рязанскому»*¹².

«Тое же осени, сентября месяца, князь велики Литовкий Витофт Кестутьевич, внук Гедиминов, собрав силу многу и поиде ратью мимо Смоленск, творяся на Темирь Аксака царя, а не на Смоленск; и прочеся слово то повсюда, яко Витофт Кестутьевич со сногими силами идет на Темир Аксака царя мимо Смоленск; сие же слово пронесе того ради, да быши смоляне оплошилися к нему. А в то время во граде Смоленце вражда бысть велика, князя Святославичи бяху в разни и в ненависти и враждоваху на ся, прящася кождо про чьясть отчины, о уделе княжения своего, не хотяще брат брата слушати. Витофту же Кестутьевичю пришедшу под Смоленск, творяся мимо ити Смоленск, и выиде к нему князь Глеб Святославич з бары не во мнозе дружине: он же, чтив его и дарив, с любовию и с миром отпусти, рек ему: «дабы естя вси, князи братеники, выехали ко мне с любовию по опасу, а что будет промежу вас слово, или какова пря, и вы на меня съшлитесь, аки не третей, и яз вас право разсужу». И тако Витофт сотвори лукавство над ними, и прелсти их, и вызва их к себе из града лестию, аки хотя правосудити промежу ими и разделити комуждо чьясть отчины княжения их истинно. Они же яша веру лукавым словесем его, и выидоша к нему з дары и любовию и с честию вси братеники Святославичи, и вси князи Смоленстии, и боаре, донеже не оста их ни един во граде, но

¹² ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000. С. 161-162.

вси кийждо их з боары своими, изыдоша из града к Витофту Кестутьевичю. Он же преже повеле изымати болюшего брата их, князя Глеба Святославичя, внука Иванова, правнука Александрова, праправнука Глебова, препраправнука Ростиславля, пращюра Мстиславля, прапращюра Давидова, препращюра Ростиславля Мстиславичя, Володимерова сына Манахова; таже по нем братию его, сынов Святославлих, не вода пред себя и отвед, посла их в свою землю Литовскую. А сам в град Смоленск с князи и з боары вниде, а пред ним крыж носяху и свирелницы гласяху, по Литовскому их обычаю; и пребыв ту дний неколико, и поиде паки в свояси, посад пожже и люди многи поплени, с собою поведе, и имение и богатство безчислено взя. Сице таковым лукавством град взя и все княжение Смоленское за себе, и посади во град Смоленске наместники своя, князи Якова, нарицаемаго Ямонта, да Василиа Борейкова. Сие же бысть првое взятие граду Смоленску от великого князя Литовскаго Витовта Кестутьевича лукавством и лестию; взять же бысть месяца сентября в 28 день, во вторник, на наметь преподобнаго отца нашего Харитона Исповедника. А князь велики Юрьи Святославичь Смоленский, в то время на Ряни был, у тестя своего у Олга Ивановича, великого князя Рязанскаго».

Под 1395/96 г. «Тое же зимы князь велики Олег Иванович Рязанский с зятем своим, с великим князем Юрьем Святославичем Смоленским, и з братьею своею, с Пронскими князи, и с Козельским, и с Муромским, поиде ратью на Литву и много зла сътвориша им. Тое же зимы,

месяца декабря в 27 день, в 7 час ноци, месяц погibe и бысть аки кровь. Тое же зимы ходил Витофт Кестутьевич, князь велики Литовский, ратью на Рязань и власти повоевал, а Олгу Рязанскому великому князю ещё не пришедшу в Рязань и услыша сиа, и остави полон в некоем месте, и приде на загоници и многих избил, а иных поимал. Слышав же сиа, Витовт убояся и вскоре на бег устремися и возвратися в своаси. Олег же со многою корыстию и богатством вниде в свою землю и удержа у себя зятя своего князя Юрья Святославичя Смоленского, тогда бо в скорби ему суцу и в тузе велице о братии своей и о отчине своей, яко такова на них беда не бывала, ниже преже их над Смоленском, якоже ныне пострадаша от Витовфта лукаваго и несытаго сюжая возхитищати».¹³ Здесь разделителем между частями повествования является датированное сообщение об атмосферном явлении, взято из Троицкой летописи.

Под 1400 г.: «того же лета доброхоты великого князя Юрья Святославичя Смоленскаго, скорбяще по нему и желающа видети его у себя на великом княжении Смоленском, послаша из Смоленска тайно к нему на Рязань, того бо ему суцу у тстя своего на Рязани живуцу, Витофту же Смоленском владеющу, и инем хотящим Витофта, а мнзем хотящем господина своего извечнаго великого князя Юрья Святославичя по отчине и дедине его. И пришедше тайно на Рязань, и сказаша вся бывшаа господину своему великому князю Олгу Ивановичю Рязан-

¹³ Там же. С. 163.

скому, глаголя: «приидоша ко мне из Смоленска мои Смоляня, тайно послани от неких моих доброхотов, поведаяюще, яко мнози хотят мене видети на отчине и дедине моей; сътвори, господине, Христову любовь, помози ми и посади мене на отчине моей и дедине, на великом княжении Смоленском» И сия глаголаше с великим рыданием и плачем, и слезы проливая якоже источници»¹⁴.

Под 1401 г. «Того же лета князь великий Олег Иванович Рязанский с зятем своим Юрьем Святославичем Смоленским и з братьею своею, с князи Пронскими, и Муромским, и Козельским, ратью поидоша к Смоленску, удобно время усмотривше, понеже тогда Витофту Кестутьевичю до конца осущевшу людми от Темир-Кутлуева побоища в поле чисте, в татарской земле, на Ворскле реце, и бысть тогда скорбь велиа и пустота людей в Литве, а се крамола бысть Смоленске: инии Витофта хотяху, а инии мнози своего вотчича изстаринаго великакго князя Юрьи Святославича. И пришедшим им ко граду Смоленскую, и посла к ним князь великий Олег Иванович, возвещая им сице: «аще не отворите града и не примете господина вашего великого князя Юрья Святославича Смоленскаого на его отчину и дедину, на великое княжение Смоленское, то уо имам много время стоати и вас предати мечю и огню; изберите убо себе, иже хотите: или смерть, или живот». Они же предашася, и мнози радостни быша господину своему великому князю Юрью Святославичю, инии же ненавидя-

ху его он же вшед во град Смоленск, месяца августа, Витофтовых воевод ляхов изсече; тогда убо, в граде седел от Витофта наместник и воевода князь Роман Михайлович Брянский; он же и того уби, и бояр и Брянских и Смоленских изби, которые не хотели его; а княгиню Романову и дети отпустиша. И так князь Юрьи Святославич Смоленский сяде на великом княжении Смоленском, на своей отчине и дедине, а князь великий Олег Иванович Рязанский с прочими князи со всеми воинством идоша в Литву, и воеваша, и со многим полоном возвратишася в свояси»¹⁵.

Видим цельное описание событий 1395-1401 г. Добавлены сюжеты: конфликт смоленских князей перед походом Витовта, прибытие смоленских доброхотов в Рязань в 1400 г., набег «на Литву» Олега Рязанского после взятия Смоленска в 1401 г. Здесь можно увидеть все известные по московскому летописанию события, только события зимы/осени 1395/96 г. (поход Олега, набег литвы поход Витовта) смешаны в одно. Описание зимнего похода как похода лично Витовта уже говорит о «смешении событий». В этой связи и нужно рассматривать указание на поход Олега «на Литву» в декабре 1395 г. и считать его реальным либо выдуманным.

Если сравнить описание зимнего рязанского похода (князь великий Олег Иванович Рязанский с зятем своим, с великим князем Юрьем Святославичем Смоленским, и з братьею своею, с Пронскими князи, и с Козельским, и с Муромским,

¹⁴ Там же. С. 184.

¹⁵ Там же. С. 185-186.

пойде ратью на Литву и много зла сътвориша им. <...> полон) с началом и окончанием повествования о взятии Смоленска 1401 г. (князь великий Олег Иванович Рязанский с зятем своим Юрьем Святославичем Смоленским и з братьею своею, с князи Пронскими, и Муромским, и Козельским, ратью... идоша в Литву, и воеваша, и со многим полоном возвратишася в свояси), то видим практически одинаковое описание, с неназванными по имени князьями и абстрактным походом «в Литву» (без географического ориентира). Интересно сравнить с описанием известного только по НЛ рязанского похода в татарские земли, помещенного перед сообщением о приезде смоленских доброходов в 1400 г.: «того же лета в пределах Черленаго Яру и в караулах возле Хопор до Дону князь велики Олег Иванович с Пронскими князя и с Муромским и Козельским, избииша множества татар, и царевичя Мамат-Салтана яша, и иных князей ординских поимаша». То есть, виден шаблон в описании походов Олега Рязанского.

В целом виден общий литературный стиль всех этих размещенных в разных частях НЛ повествований. Общая идея Повести – показать Олега Рязанского как успешного военачальника, подчеркнуть его ведущую роль в событиях.

Повесть о нашествии Витовта на Рязанскую землю

Про осенний поход Витовта на Рязань записано под 1397 г.: «*тое же осени о Покрове тесть великого князя Василия Дмитриевичя, князь велики литовский Ватофт Кестутъевич, со всею силою литовско*

прииде ратью на Рязанскую землю, и много зла сътвори Рязанской земли; люди улицами сажали, секли и многа кровь неповиниаа пролита бысть. И тогда у своего зтя, у великого князя Василия Димиреевича Московского, на Коломне был и многу честь и дары от него приняли, и тако возвратися во своаси, кровь проливав, аки воду»¹⁶.

Эта условная повесть по стилю разнится с предыдущей Повестью. Акцент уже на трагичности похода Витовта на Рязанскую землю, а не пафосе побед. Часть повествования текстологически совпадает с сообщением в МЛ. Однако она уже имеет литературное оформление. В Тверской летописи в конце 6903 г. записано «*той же осени Витовт многобожный плени Рязань, люди улицами сажая секл*»¹⁷. (перед этим запись о смерти Стефана пермского, а далее, под 6904 г. события не записаны – явно данные записи хотели верно поместить под 6904 г.). НЛ как раз использовала Тверской свод 1425 г., то есть, это компиляции из лаконичного повествования МЛ, художественного повествования Тверской летописи. Вопрос в том, была ли в Тверском своде, который использовался при составлении НЛ, более полная версия или прочие литературные добавления были сделаны уже при составлении данной компилятивной повести.

Краткие сообщения рязанского летописания

В НЛ хорошо прослеживаются краткие

¹⁶ Там же. С. 166.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863. Стб. 457.

сообщения, явно происходящие из рязанского летописания. Это прежде всего сообщения о татарских набегах и прочих рязанско-ордынских отношениях. Подобные уникальные (текстологически не связанные с другими известными летописями) сообщения есть и по отношению к литовско-рязанской войне.

В конце записей под 6902 (1393/94) г. *«того же лета князь великий Олег Иванович Рязанский ходил ратью к Любутску и со многим полоном возвратися в свояси. Того же лета Олег Иванович Рязанской побил татар Тохтамышевой орды, иже приходиша изгоном на Рязанские власти»*¹⁸. Под 6905 (1396/97) г. первая запись. *«Тое же осени, сентября, князь велики Олег Иванович Рязанский, внук Иванов, ходил ратью к Любутску и со многим полоном возвратися во своаси»*. После этого дано сообщение о поездке Василия Московского в Смоленск. Кампания 1402 г. почти дословно взята из московской летописи. Только к литовским князьям добавлен в конце *«князь Бойнос Иванович»*¹⁹. Последнее уточнение можно отнести к генеалогическим изысканиям, которые также прослеживаются по другим местам НЛ.

Запись под 1394 г. можно уверенно называть дубляжом записи под 1396 г. Помимо текстологического совпадения двух сообщений, можно заметить, что в отличие от событий под 1396 и 1402 гг. не видно причин, почему город не был взят, не указаны последствия действий рязан-

цев.

Поход на Любутск датирован сентябрем 1396 г. Однако, если посмотреть датировки НЛ татарских набегов на Рязанскую землю, то, когда дается месяц, практически всегда называется сентябрь (один раз – август). К началу составления НЛ давно пользовались сентябрьским летоисчислением и при использовании записей, где в начале года есть краткое сообщение (даже если оно одно за весь год), «сентябрь» могли ставить в качестве «реконструкции» текста. То есть, фактически эта запись не дает надежного уточнения по датировке.

Рязанское сообщение о походе на Любутск фактически не противоречит московскому. Первое говорит о его успешности (захват полона), а последнее не намекает на его неуспешность.

В условной «Повести о войне Олега» помимо московского летописания могли быть и иные летописные источники. Основной объем ей придавала «творческая реконструкция». Повествование о бегстве Святослава в Рязань перед походом Витовта в 1395 г., повествование о приходе смоленских доброходов в Рязань соответствуют повествовательной логике сообщений МЛ. Оно не несет новой фактологии. Даже факт приезда сторонников Святослава в Рязань в 1400 г. мог быть «реконструирован» из заданной логики повествования МЛ (можно предположить существование краткой записи рязанского летописания, но тут речь идет о тайной встрече).

Вариант повести о взятии Смоленска в 1401 г. уже противоречит сообщению в МЛ. В последней взятие Смоленска пред-

¹⁸ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 156.

¹⁹ Там же. С. 187.

ставлено как стремительная операция, осуществленная при помощи заговора в городе. В Повести показан уже масштабный поход во главе с Олегом Рязанским, осада города и его капитуляция в результате ультиматума Олега. Здесь уже видим подчинение идеологической логике Повести (полководческие успехи Олега). В этой же логике видится и последнее добавление – поход Олега на абстрактную «Литву» (слишком размытое определение для развернутого повествования). Если и в МЛ, и в своде 1418 г. сразу после сообщения о захвате власти в Смоленске дано сообщение об осенней осаде Смоленска Витовтом, то в НЛ это сообщение (практически копия более раннего летописания) основательно отделено другими повестями. В условиях такой относительно быстрой реакции Витовта сложно говорить о серьезных боевых действиях со стороны рязанских войск, тем более больших сил у Олега не могло быть (внезапное выдвижение к Смоленску не предполагало крупного формирования). К этому можно добавить, что Новгородская летопись даже не сообщала об Олеге Рязанском в этих событиях, а Витовт не осуществлял карательные акции против Рязани. Таким образом, можно полагать, что опустошительный поход Олега рязанского «на Литву» в 1401 г. является выдумкой, обусловленной литературной логикой повествования (окончание Повести о великом полководце только таким быть и могло). Но всё же есть некоторые основания предполагать существование краткого сообщения рязанского летописания о том, что Олег ходил на Смоленск и привел пленных.

Слова о походе «на Литву» в повествовании о войне зимой 1395/96 г., как и в случае с событиями 1401 г., выглядят более эффектно, чем слова о походе на один город (Любутск). Эта кампания оценивается в Повести в положительном для Олега Рязанского ключе. Отмечается успешность действий против литовских загонов, отмечается, что Витовт не добился своей главной цели – пленить или прогнать из Рязани Юрия Смоленского. Собственно говоря, последнее является фактом. Можно сказать, что этим походом в октябре 1396 г. Витовт добился ограниченных результатов (захват полона и добычи) с минимальными достижениями политических целей. Примечательно, что сообщение о зимнем походе в МЛ не отмечает захват полона, следовательно, не видно акцентов на его успешности. По аналогии с сообщениями, помещенными в НЛ, повествующими о противодействии татарским набегам, можно предполагать существование краткого сообщения рязанского летописания о зимних событиях, которое могло быть представлено в виде: «приходиша литва на рязанские власти; рязанци приде на литву/загонщиков и их биша и полон отняша». Наличие сообщения об успешном противодействии зимнему набегу могло и дать основание сместить все события зимы-осени 1396 г. на зиму.

В итоге, если попытаться выделить из Повести дополнительные фактические события, которых нет в московском повествовании, то походы Олега «на Литву» в декабре 1395 и в августе 1401 г. следует признать вымышленными (дополнительно об этом в контексте географической

ситуации – ниже). Приезд смоленских заговорщиков в Рязань можно предполагать сам по себе, но данные о таком контакте не позднее лета 1400 г. представляются предположением составителя Повести. Интерес представляет описание тактики рязанцев, которые противодействовали набегу путем нападений на загоны.

Существование подобного сообщения дает дополнительные основания считать, что зимний набег был малоуспешным, без захвата существенного полона и добычи.

Литовско-рязанские войны в свете географической и политической ситуации

Обзор географической и политической региональной ситуации необходим как для общего понимания конфликта, так и для критической оценки «дополнительных сведений» НЛ.

Князья Пронские, Муромский и Козельский

Требуется рассмотрения упомянутая выше формулировка о походах совместно с Олегом Рязанским князей Пронских, Муромского и Козельского. Уникальное известие НЛ сообщает, что зимой 1373 г. «преставился Володимир Дмитриевич Пронский»²⁰. Родословцы дают князю Владимиру единственного сына Ивана, который и дал начало роду собственно князей Пронских²¹. Однако, среди участников битвы при Воже 1378 г. летописцы

упоминают другого пронского князя — Даниила, по всей видимости, старшего сына Владимира Пронского²². Только в московско-рязанском договоре 25 ноября 1402 г. впервые упоминается Иван Владимирович, причем с великокняжеским титулом. В свете вышеизложенного, с учетом единичного упоминания в источниках князя Даниила Пронского, не будет ошибкой утверждать, что в самом конце XIV в. жил и действовал единственный князь Пронский, Иван Владимирович. Но о пронских князьях во множественном числе сообщали источники середины XV, когда речь шла о сыновьях и внуках Ивана Владимировича, владевших пронским уделом совместно, в «дольницах». Поэтому упоминание «князей Пронских» во множественном числе для реалий конца XIV – начала XV вв. явно выглядит анахронизмом.

Напротив, когда летописец говорит о козельском князе в единственном числе, то уже данная информация вызывает определенные сомнения. Мы точно не знаем, когда умер князь Иван Титович Козельский, в конце XIV в. он мог еще жить, также вполне могли быть живы его братья. Кроме того, у Ивана и Святослава Титовичей по документальным и родословным источникам, а также княжеским помянникам прослеживается по несколько сыновей у каждого. Наверняка потомство оставили и не известные по именам

²⁰ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 19.

²¹ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 19.

²² Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. / Подгот. М. Е. Бычкова. С. 43-44.

младшие братья Ивана Титовича. Как бы то ни было, участие в военных предприятиях великого князя Олега Рязанского «князя Козельского» в единственном числе выглядит очень маловероятным, а после 1403 г. говорить о таком образовании как Козельское княжество и вовсе не приходится²³.

Что касается «Муромского князя», то в лучшем случае речь может идти об одном из муромских князей, который мог оказаться на рязанской службе после присоединения Муром к Московскому великому княжеству по ханскому ярлыку в 1393 г., аналогично тому, как на московской службе оказались потомки боковых ветвей Муромской княжеской династии — Овцины, Владимировы, Лыковы, Злобины, Замятнины²⁴. При этом, как ни странно, летопись не упоминает еще одну ветвь рязанских князей — Елецких, имевших в конце XIV в. собственный удел и вполне способных принимать участие в походах своего сюзерена — великого князя Олега Ивановича.

Таким образом, использование именно такой указанной формулировки показывает не реальность ситуации рубежа XIV–XV вв., а является именно литературным конструктом, несколько искажающим реальность. Это дополнительно характеризует условную «Повесть о

войне Олега», прежде всего, ее создание существенно позже, чем начало XV в.

Княжества Верхней Оки

Между великим княжеством Рязанским и княжествами Смоленским и Брянским, в верховьях реки Оки и ее притоков находилась обширная территория владений черниговских князей — Ольговичей, за которой в историографии закрепился не вполне точный термин «Верховские княжества». Они имели сложную владельческую и территориальную структуру, обусловленную возникновением и развитием этих владений как домениальных (лично-сеньориальных) владений князей Черниговского дома²⁵. Эта географическая и политическая специфика имела объективное влияние на конфронтацию между великими княжествами Литовским и Рязанским. Поэтому ее следует рассмотреть подробнее.

Самым значительным из этих государственно-территориальных образований был комплекс владений князей одной из ветвей черниговских Ольговичей, за которым в историографии закрепился термин «Глуховско-Новосильское» или «Новосильское княжество». Это княжество занимало сравнительно большую территорию, вытянутую с юга на север вдоль верхнего течения Оки с ее притоками Зушей и Упой. Согласно родословным источникам, изначальным центром владений этой княжеской ветви был город Глухов на юге Черниговского княжества,

²³ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5. С. 161.

²⁴ Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 32–34.

²⁵ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012. С. 97–110.

между Новгород-Северским и Путивлем²⁶. Между Глуховской волостью и новосильскими волостями в верховьях Оки лежали земли Курского Посемья, запустевшие в конце XIII в. в результате татарских и княжеских междоусобиц. «Лоскутный» характер владений глуховско-новосильских князей подтверждается и существованием их владения в верхнем течении р. Протвы — волости Забереги, отделенной от основного массива новосильских владений полосой земель, принадлежавших смоленским и тарусским князьям²⁷. Версия происхождения глуховско-новосильских князей от Святого Михаила Всеволодовича Черниговского, отраженная в многочисленных редакциях родословцев «официального» и частного характера, в настоящее время выглядит очень маловероятной²⁸. По ряду косвенных признаков можно предположить, что князья Глухова, Новосилья и Одоева происходили из младшей (новгород-северской) ветви черниговских Ольговичей, не исключено, что они являлись потомками князя Олега Курского, известного по летописным сообщениям 1220-х гг. Данный вопрос требует дальнейшего изучения.

Следует отметить, что реконструировать историю Глуховско-Новосильского княжества, как и других княжеств Черниговской земли этого периода, в полном

²⁶ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 41, 43, 112.

²⁷ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 149.

²⁸ Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы). // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 76–77.

объеме не представляется возможным ввиду скудости сведений сохранившихся источников. Тем не менее, определенные реконструкции событий провести, на наш взгляд, возможны, опираясь даже на эти скудные сведения. Самое раннее упоминание новосильского князя в летописи относится к началу 2-й четверти XIV в. 15 сентября 1326 г. в Орде был казнен князь Александр Новосильский, в один день и на том же месте, что тверской и великий владимирский князь Дмитрий Михайлович Грозные Очи²⁹. По предположениям современных исследователей, новосильский князь шел в русле политики князей Твери в их борьбе с московскими Даниловичами. Отчество князя Александра может быть установлено по выпискам из синодика рязанского Свято-Духова монастыря, в котором поминаются «Андреянь, Александръ Семеновичи Новосильские»³⁰. У Александра оставались сыновья, Семен и Сергей Александровичи, записанные в черниговских княжеских помянниках, а его братом был, по всей видимости, князь Михаил Глуховский, вместе с сыном Семеном записанный в тех же источниках³¹. Похоже, именно сыном

²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 42

³⁰ ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 98. Рукописный сборник «Рязанские достопамятности». С. 39; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 217. Та же пара имен — Адриан и Александр — читается в синодике белевского Спасо-Преображенского монастыря, опубликованном Р. А. Беспаловым в 2008 г.

³¹ Поменник Введенської церкви в Ближніх Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип. 18. Київ, 2007. С. 18.

Александра Семеновича был князь Семен Новосильский, продавший в 1340-х гг. великому князю Семену Гордому волость Забереги в верховьях реки Протвы³². Как видно, уже в первой половине XIV в. действуют несколько князей глуховско-новосильского княжеского дома. Судя по всему, «старшим» столом в это время считался не Новосиль, а Глухов, бывший изначальным уделом отца братьев – Семеновичей. В Глухове сидел Михаил, а владениями Адриана, по довольно вероятному предположению А. Г. Кузьмина, мог быть Звенигород, позднее отнесенный к владениям другой ветви Ольговичей – Козельско-Карачевской³³. Однако в 1352 г. население Глухова полностью вымерло в результате эпидемии чумы³⁴, и князь Семен Михайлович Глуховский, вероятно, перебрался на север – предположительно, в Одоев (вероятные потомки Адриана Семеновича — князья Звенигородские — остались на своих исконных отчинах). В связи с этим вызывают интерес версии исследователей о локализации «Старого» Воротынска, не исключено, что и город Воротынск тоже «переехал» на Север из района южнее Новосила³⁵.

³² Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.-Л., 1950. (Далее – ДДГ). № 3. С. 14.

³³ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965. С. 217.

³⁴ ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000. С. 224.

³⁵ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012. С. 35-36. Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494. М, 2013. Вклейка на с. 112-113; Карта 12.

Интересно, что Воротынск – единственный город Новосильского княжества, упомянутый среди литовских городов в известном летописном списке «А се имена всем градом руским далним и ближним» (Одоев и Новосиль записаны в числе «залесских», причем в одном ряду с Любутском и Курском)³⁶. Возможно, он был в 1368 г. взят и некоторое время удерживался Ольгердом, однако прямых подтверждений данному предположению не имеется.

В конце 1360-х гг., в условиях военного давления со стороны великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича, среди князей глуховско-новосильского дома, видимо, произошел раскол³⁷. В своем письме патриарху Филофею 1371 г. Ольгерд жалуется, что москвичи «напали на зятя моего, новосильского князя Ивана и на его княжество, схватили его мать и отняли мою дочь», при этом отчество своего новосильского зятя великий князь литовский не называет³⁸. Предположительно, князь Иван Новосильский был сыном Семена Александровича, в таком случае он мог «по наследству» придерживаться про-тверской ориентации, как и его дед. В этих условиях логичным выглядит ориентация Семена Михайловича Глуховского и его сына Романа на московских Калитичей. Кроме того, «пришельцы» из Глухова, похоже, начали претендовать на Новосиль, как старшая

³⁶ Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 95-96.

³⁷ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII-XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 150.

³⁸ Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Прил. № 24. Стб. 136.

ветвь Глуховско-Новосильского княжеского дома, поскольку собственная отчина этих князей оказалась опустошенной эпидемией чумы и постоянными набегами татар. В своих притязаниях они, бесспорно, опирались на военную поддержку со стороны великого князя московского. Похоже, что задача посажения на новосильский стол лояльного Москве Романа Семеновича Глуховского была успешно решена во время брянской «реконкисты» Москвы весны-лета 1370 г., когда, по сведениям летописи, «князь великий Дмитрий Иванович посылал воевать Брянска»³⁹. Московская рать и отряды союзных князей заняли Оболенск, Тарусу, Любутск, Воротыньск, Калугу (владение тарусских князей, захваченное Ольгердом), Мценск и Новосиль. Иван Новосильский был смещен со стола, в Любутске и Мценске восстановлена власть Романа Михайловича Брянского, не исключено, что союзником Москвы стал и Федор Адрианович Звенигородский. При этом волость Калугу великий князь Московский забрал себе, возможно, в качестве оплаты за военную помощь. После этого о новосильском князе Иване и его супруге Ольгердовне ничего не известно. В дальнейшем, вплоть до рубежа XIV и XV столетий (а также до середины 20-х гг. XV в.) новосильские князья шли в фарватере политики московских Калитичей, принимая неоднократное участие в их военных мероприятиях. Вовсе не случайно имена Семена Михайловича Глуховского и его

сына Романа были записаны в московском Успенском синодике среди имен князей-союзников Москвы⁴⁰. Кроме всего прочего, такая явная ориентация на Москву могла быть вызвана и тем, что великий князь Олег Иванович Рязанский, проводя активную независимую политику, пытался включить новосильских князей в сферу своего влияния. Не случайно договор Василия Дмитриевича с Федором Ольговичем Рязанским 1402 г. специально оговаривает требование к великому князю рязанскому «взять любовь» с князем Семеном Романовичем Новосильским и князьями тарусскими, а также не вмешиваться в их внутренние дела⁴¹.

Город Любутск («Любутеск») впервые упоминается в летописном известии о противостоянии под этим городом войск великих князей литовского и московского в июле 1372 г.⁴² Летописец, к сожалению, не оставил прямых указаний на то, какому из княжеств принадлежал этот город в то время. Не проясняет ситуацию и известие НЛ под 1387 г., согласно которому «*пред Петровым днем собравшиеся татарове изгоном безвестно приидоша на Рязань и повоеваша ю, да и Любутеск повоеваша, а Ольга князя мало не яша*»⁴³. По нашему мнению, данное известие не дает достаточных оснований считать Любутск принадлежащим в это время великому князю Олегу Ивановичу. В историо-

⁴⁰ Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. Ч. 6. М., 1788. С. 449.

⁴¹ ДДГ. № 19. С. 53.

⁴³ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 93.

³⁹ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 92

графии высказывались различные мнения по поводу изначальной политической принадлежности Любутска. Не так давно на основании ряда косвенных признаков была выдвинута гипотеза о владельческой подчиненности Любутска и Мценска брянским князьям⁴⁴. Любутской и мценской волостями мог владеть под покровительством Москвы изгнанный из Брянска князь Роман Михайлович, претендовавший на «старшинство» среди всех черниговских Ольговичей. Московское покровительство не всегда являлось гарантией от нападения врага. Можно предполагать, что в 1368 г. во время первой «литовщины» Роман Михайлович временно потерял свои владения по Оке (Мценск и Любутск). Не исключено, что именно тогда он лишился и брянского стола, хотя по этому поводу в историографии существуют различные версии. Однако уже весной 1370 г. москвичи отправились «воевать Брянска» явно с целью восстановления своего союзника на брянском столе. Основной цели похода — Брянска — судя по всему, не достигли, но брянские эксклавы по Оке (Любутск и Мценск) князю Роману Михайловичу были возвращены. Скорее всего, именно он как «князь великий Роман» был упомянут в числе князей, союзных Москве, в перемирной грамоте, датированной августом 1371 или 1372 г.⁴⁵ Роман Михайлович продолжал сохранять

союзные отношения с Москвой, участвуя в военных предприятиях великого князя Дмитрия Ивановича. Так, летописи фиксируют его среди участников княжеской коалиции во время похода и осады Твери в 1375 г., весьма вероятно и его участие в Куликовской битве 1380 г.⁴⁶ Не вполне ясно, когда «великий князь» Роман Михайлович оказался «в имени» великого князя литовского Витовта. Полагаем, что отъезд брянского князя в Литву мог произойти в период после 1389 г., то есть после смерти великого князя Дмитрия Ивановича, освободившей Романа Михайловича от союзных обязательств перед Москвой. Формально до самой своей гибели в августе 1401 г. Роман Михайлович носил титул «великий князь», одновременно являясь смоленским наместником Витовта. Более того, согласно сведениям тверского летописца, «князь великий Роман Черниговский» назывался «братом» великим князьям Литовскому и Владимирскому, и, по всей видимости, возглавлял иерархию Черниговского княжеского дома⁴⁷. Рогожский летописец также приписывает ему великокняжеский титул, однако называет Романа Михайловича Брянским, а не Черниговским⁴⁸. Учитывая тот факт, что Роману Михайловичу в Смоленске служили брянские бояре, не исключен вариант, при котором «князь великий Роман Черниговский» фактиче-

⁴⁴ Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых печатях XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России / Сост. А. Н. Наумов. Вып. 2. Тула: Гос. музей-заповедник «Куликово поле», 2012. С. 137-139. Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486-1494. С. 184-185.

⁴⁵ ДДГ. № 6. С. 22.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 110-111; Т. 43. С. 134, 136.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 471.

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Стб. 176.

ски владел Брянском (либо какими-то брянскими волостями) «из руки» Витовта, при этом являясь его наместником в Смоленске⁴⁹. После смерти Романа Михайловича принадлежавшая ему любутская волость могла перейти под непосредственное управление Витовта. Версии владельческой принадлежности Любутска в XV в. продолжают оставаться дискуссионным вопросом, но их обсуждение в цели настоящей работы не входит.

Любутск был единственным литовским владением (как эксклав присоединенного к ВКЛ Брянского княжества), находящимся в непосредственной близости от границ Рязанского княжества⁵⁰. Это была довольно хорошо укрепленная пограничная крепость с площадью укрепленной части 2,2 га⁵¹. От тульских волостей, которыми в это время владел Олег Рязанский, Любутск отделяли примерно 25 км.

Последним буфером, отделяющим любутскую волость ВКЛ от Рязанского княжества, были владения находившихся под сильным московским влиянием князей тарусских — волости Волкона, Колодна, Конин и Спашь на правом берегу Оки. Согласно позднейшим родословным росписям, князя Тарусские также были потомками Св. Михаила Всеволодовича Черниговского. Как было показано Р. А. Беспаловым, настоящим родоначальни-

ком этой ветви черниговских Ольговичей был живший в первой половине XIV в. князь Юрий Тарусский, который явно не мог быть сыном Св. Михаила⁵². Установить настоящее происхождение князя Юрия из-за скудной источниковой базы на сегодняшний день не представляется возможным. По косвенным данным, однако, можно сделать ряд предположений, обоснование которых выходит за рамки данной работы. Сыновья князя Юрия владели землями на крайнем северо-востоке Черниговского княжества, им принадлежали земли по обоим берегам Оки между Любутском и устьем Протвы. В. Н. Темушев полагал, что изначально тарусскими были и волости Калуга, Лисин, Роща и Пересветова Купля, лежащие к востоку и северо-востоку от Любутска⁵³. Кроме того, в недавней работе Р. А. Беспаловым было сделано очень вероятное предположение о наличии у князей Тарусского дома еще одного, довольно значительного комплекса владений («исконные» волости Гдырев, Устье, Жабьинь, Рука, Бакино, Лабодин). Эти земли лежали в основном на правобережье Оки в бассейнах ее притоков Нугри, Вытебети и Руки, вклиниваясь между владениями козельских и новосильских князей. Во второй пол. XIV в. вышеупомянутые волости, видимо, принадлежали одному из сыновей Юрия Тарусского, князю Всеволоду Юрьевичу, родоначальнику княже-

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в.. С. 231.

⁵⁰ Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I. С. 138.

⁵¹ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С. 60.

⁵² Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы). С. 78–79.

⁵³ Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. С. 184; Карта 13.

ских фамилий Мезецких и Огдыревских⁵⁴. Видимо, практически с самых первых лет своего существования это княжество начало нести территориальные потери, уступая земли своим соседям. По мнению А. А. Горского, еще в нач. XIV в. «тарусские князья» продали митрополиту Петру (1308–1326 гг.) территорию на правом берегу Оки, где позднее возник г. Алексин⁵⁵. Еще некоторое время спустя князю Федору Святославичу (вероятно, из смоленских Ростиславичей) был уступлен ряд волостей на правом берегу Оки к востоку от Алексина⁵⁶. В своей монографии А. В. Шеков обратил внимание на присутствие в известном «Списке русских городов...» Тарусы и Оболенска в числе литовских городов⁵⁷. Единственный период в XIV в., когда могла быть возможной подобная ситуация – это время с первой «литовщины» осенью 1368 г. до ответного похода войска Москвы и ее союзников на Брянск или его эксклавы весной 1370 г. Кроме того, летописные данные прямо указывают на убийство Ольгердом князя Константина Юрьевича

непосредственно в его отчинном Оболенске⁵⁸. При этом нам неизвестно, какую позицию занимали братья Константина Юрьевича (Семен, Михаил, Всеволод и Иван), присягнули ли они Ольгерду или отступили на север, но их «стольный град» Таруса наверняка был захвачен. К счастью, данные потери оказались временными. Князья Тарусские в дальнейшем не изменяли своей политической ориентации, о чем свидетельствует их участие в военных походах великих князей московских. В 1392 г. великий князь Василий Дмитриевич приобрел в Орде ярлык на Тарусу, но при этом местные князья сохранили свои владения и часть суверенных княжеских прав.⁵⁹

О Рязанском влиянии на Козельск летопись говорит вполне определенно, несмотря на условность разобранной выше формулировки о «князьях пронских, козельском и муромском». Не исключается, правда, интерполяция событий 1365 г. на более поздние времена. Хотя, думается, совсем не случайно раздел Козельско-го княжества совпал по времени со смертью великого князя Рязанского Олега Якова Ивановича. В силу упомянутых выше причин, также далеко не всё ясно и понятно в истории Козельского и Карачевского княжеств. Немногочисленные сведения, касающиеся козельско-карачевских князей и их отчин, содержатся в летописных источниках и документальном материале. Несколько больше данных можно почерпнуть в черниговских

⁵⁴ Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история. Материалы V всероссийского семинара. Ноябрь 2013 г. Тула, 2016. С. 139–161. Черниговским княжеским помянникам князь Всеволод Юрьевич известен, как «Всеволод Устийский».

⁵⁵ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 153, 176. Скорее всего, «тарусские князья» в начале XIV в. могли выступать лишь в единственном числе — им был собственнo Юрий Тарусский.

⁵⁶ ДДГ. № 10. С. 29.

⁵⁷ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С. 75, 83.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 89.

⁵⁹ Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси. С. 154–159.

княжеских помянниках в составе монастырских синодиков. «Официальные» родословные черниговских князей следует использовать с большой осторожностью: очень похоже, что происхождение от Св. князя Михаила Черниговского для всех ветвей Ольговичей было «реконструировано» старцем Иосифо-Волоцкого Успенского монастыря Дионисием (в миру князь Даниил Васильевич Лупа-Звенигородский) при живом и непосредственном участии митрополита Даниила⁶⁰. Как можно судить по данным помянников, князья Козельские и Карачевские могли быть потомками князя Мстислава Святославича, погибшего вместе с одним из своих сыновей на Калке в 1223 г. Эта княжеская ветвь не угасла и с разорением Козельска монголами в 1238 г. Вероятно, некоторые из потомков Мстислава Козельского вели борьбу за «старший» черниговский стол с брянской ветвью Ольговичей, отголоском чего могло быть убийство в 1310 г. князя Святослава Мстиславича Карачевского брянским князем Василием⁶¹. В конце 1330-х гг. междоусобица разгорелась уже среди самих козельских князей: в летописях сохранилось известие под 23 июля 1339 г. об убийстве князя Андрея Мстиславича Козельского его «окаянным братаничем» Василием Пантелеймоновичем⁶². Причем интересно, что в родословцах Андрей показан родоначальником князей Звенигородских (на самом деле, скорее всего, он был без-

детным), в то же время ни Василий, ни его отец Пантелеймон в родословных книгах не упоминаются. Обратная картина наблюдается в княжеских помянниках: там присутствует некий «князь Понтель» и несколько Василиев, один из которых может оказаться «окаянным братаничем» князя Андрея Мстиславича⁶³. В генеалогических экскурсах в составе НЛ также читается, что Андрей был зятем какого-то литовского князя Гаманта⁶⁴. Похоже, что «козельская смута» 1339 г. послужила толчком к отъезду в Москву князя Ивана Федоровича Шонура, предка бояр Шонуровых и Сатиных. Кстати, по всем немногочисленным данным выходит, что «старшим столом» продолжал оставаться Козельск, а Карачев был уделом. Да и заселенность козельских волостей гораздо выше, чем карачевских, а площадь укреплений Козельска – наибольшая из всех городов Верхней Оки (около 7,8 га, по данным А. В. Шекова). Для сравнения, площадь укреплений Карачева – около 5,9 га⁶⁵.

По мнению А. В. Шекова, инкорпорация Карачева «с волостями» в состав великого княжества Литовского могла

⁶⁰ Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы). С. 90-94.

⁶¹ ПСРЛ. Т. 10. М., 2000. С. 178.

⁶² ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52

⁶³ Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука. С. 17-19. Интересно, что уничижительные характеристики от летописцев, данные некоторым историческим персонажам, обычно не являются препятствием для поминальной записи в синодик, примером чему может служить поминание князя Ивана Коротопола.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 26.

⁶⁵ Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. С. 222, 275.

произойти не ранее перехода Брянска «под руку» Ольгерда, то есть в период 1361–1368 гг.⁶⁶ С потерей Карачева и тянувших к нему волостей козельско-карачевские князья лишились доброй половины своего княжества. Военное давление со стороны Литвы, вероятно, заставило козельского князя Тита Мстиславича (скорее всего, младшего брата Андрея, хотя в родословцах он значится старшим) пойти на роль младшего союзника великого князя рязанского Олега-Иакова Ивановича. Следует отметить, что и с князем Титом Мстиславичем, как ни странно, наблюдается схожая с вышеописанной ситуация: он присутствует в летописях и родословцах, но его имени нет в помянниках, либо он там записан под другим (родовым или монашеским) именем. Более того, в некоторых родословных росписях ему дается другое отчество – он записан не Мстиславичем, а «Семеновичем»⁶⁷. Разрешить данное противоречие позволяет предположение о том, что Семен – крестильное имя князя Мстислава.

Уже 1365 г. князь Тит Козельский успешно помогает великому князю Олегу Ивановичу в разгроме эмира Тагая в битве у Шишевского леса⁶⁸, но до 1368 г. он, видимо, умирает, оставив нескольких сыновей (трое известны по именам – Иван, Святослав, Федор). Осенью 1368 г. старший из братьев, Иван, присягает Оль-

герду, когда последний движется на Москву через земли Верхнеокских княжеств. Однако, вскоре он бежит в Москву, нарушив присягу великому князю литовскому, воспользовавшись, по всей видимости, походом московской рати на верховские брянские эксклавы весной 1370 г.⁶⁹ В дальнейшем Иван Козельский вернулся на «рязанскую орбиту», принимая участие в военных предприятиях Олега Рязанского. По данным НЛ, он стал зятем Олега (видимо, вторым браком), в то время, как его брат Святослав до 1377 г. женился на дочери Ольгерда⁷⁰. Следует отметить, что еще одним зятем Олега был Юрий Святославич Смоленский, что четко обрисовывает династический аспект коалиции «третьей силы» – Рязани, Смоленска и Козельска. Но в 1402 г., после смерти 5 июля великого князя Рязанского Олега-Иакова Ивановича, в иноках Ионы, в схиме Иоакима⁷¹, для Козельского княжества всё закончилось: основная территория отошла Москве, часть волостей – Юрию Смоленскому. Судя по всему, к этому времени Ивана и Святослава Титовичей также уже не было в живых. Сыновья Ивана Козельского, Юрий, Иван, Роман и Семен перешли на московскую службу. Князь Юрий Иванович стал первым боярином в думе великого князя Василия Дмитриевича, был назван третьим после князей Владимира

⁶⁶ Там же. С. 67.

⁶⁷ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 167.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 5; Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 104.

⁶⁹ Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880. Прил. № 24. Стб. 138.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 26.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. С. 231-232.

Андреевича и Андрея Дмитриевича в числе воевод, защищавших Москву от татар Эдигея в декабре 1408 г.⁷² Иван получил перемышльскую волость Людямеск, этот князь может быть сопоставлен с поминаемым в черниговских княжеских помянниках «Иваном Перемышльским»⁷³. Роман и Семен, по всей видимости, разделили перемышльскую волость Крайшино. О судьбе князя Василия Ивановича Зазреки Козельского ничего не известно – его имя читается лишь в черниговских княжеских помянниках⁷⁴. Можно предполагать, что сыновья Святослава Титовича, владевшие северо-западными козельскими волостями (Мосальск, Серпейск, Мощин и др.) в 1402–1404 гг., служили в Смоленске и уже после взятия Смоленска в 1404 г. Витовтом «по наследству» оказались в ВКЛ. Но и в дальнейшем их судьба была неразрывно связана со смоленским наместничеством, и даже в конце XV в. эти князья (Мосальские, Глазынич, Глушонки, Крашинские) назывались «смоленскими», хотя по своему происхождению были черниговскими Ольговичами. Если эти владения были под влиянием Смоленска еще до 1395 г., то возникает вопрос об их положении в 1395–1401 гг.

⁷² ДДГ. № 20. С. 57; ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. Стб. 483.

⁷³ ДДГ. № 16. С. 43; Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Києво-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука. С. 19. В ряде редакций родословных книг встречается версия о происхождении князей Елецких от «князя Ивана княж Иванова сына Козельского».

⁷⁴ Там же.

Как известно, от карачевско-козельских князей, согласно позднейшим родословным, также выводили свое происхождение князья Елецкие, Звенигородские и Болховские. Скорее всего, их версии родословных не соответствуют действительности. Елецкие – отрасль рязанских князей (как и показано в ранних редакциях родословных книг)⁷⁵; Звенигородские, возможно, были потомками князя Адриана Семеновича Новосильского; о происхождении Болховских ничего точно сказать нельзя – первый из них, князь Иван Романов сын Болховского, в документах появляется лишь в 1521 г., выполняя скромную роль писаря купчей грамоты в Опольском стане Владимирского уезда⁷⁶.

Данные изыскания дают только приблизительную «политическую картину» в Верховских княжествах на рубеже XIV–XV вв. Но хорошо видны сложные отношения многочисленных местных князей между собой и с соседними «сильными игроками». Точно можно сказать, что Новосильское княжество находилось под влиянием Москвы, а Тарусское княжество было московским владением. А эти земли отделяли Рязанское княжество от более западных Верховских княжеств. В такой ситуации массивированное наступление как рязанских войск на литовские владения, так и литовских войск на Рязанское княжество не могло быть осуществлено без ведома Василия Московского (что и видно по сообщениям МЛ о событиях 1396 г.).

⁷⁵ Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. С. 44.

⁷⁶ Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т.2. СПб., 1864. Стб. 350. № 147.

Хотя нельзя однозначно утверждать, что козельские князья были союзниками Олега Рязанского, но именно эта ситуация объясняет возможность Олега Рязанского вмешиваться в смоленские дела. Сложно говорить о том, какие территории Верховских княжеств в 1395–1402 гг. находились под властью или влиянием Витовта. Однозначно можно говорить только о Любутске.

Историю принадлежности Любутска можно только предполагать, но по источникам он предстает как некая территория, обособленная от прилегающих владений. Даже договорившись о проходе с новосильскими князьями, литовское войско могло наступать на Рязанское княжество только опираясь на Любутск (если не рассматривать сложный по логистике вариант похода через почти незаселенные южные территории либо вариант, когда новосильские князья предоставляют логистическую базу для похода). Для рязанского князя «поход на литву» мог представлять только (либо обязательно включать) поход на литовское владение в Верховских княжествах. Соответственно, кажется невероятной ситуация, описанная в НЛ, когда рязанское войско идет на Литву, а литовское на Рязань, но они не встречаются друг друга. В этом контексте соответствующий сюжет НЛ о событиях зимой 1395/96 г. окончательно выглядит придуманным.

Вызывает вопросы тот момент, что при описании литовских походов против Рязанского княжества (или в иных источниках) не упоминаются военные действия против предполагаемых союзников Олега Рязанского – козельских князей. Но

это можно объяснить многими причинами. Т. к. литовские войска могли оперировать на «рязанском направлении» только с согласия Василия Московского, он мог делать оговорку про козельских князей, которые в итоге перешли на его службу.

«Иде ратью на Брянск». Хотя такая фраза в описании похода 1402 г. объясняется тем, что Любутск относился к брянским владениям, но использование этой формулировки намекает на претензии Рязани на «брянское наследство» (при том, что при описании осады Любутска в 1396 г. она не использовалась). Правовая практика той эпохи не позволяла просто так объявить претензии на княжеские столы.

Любопытная версия, объясняющая характер претензий Олега Рязанского на «брянское наследство», была в свое время выдвинута А. Г. Кузьминым. Он обратил внимание на то, что летописи отметили смерть пронского князя Ярослава в 1344 г., и лишь с 1365 г. в них начинает упоминаться другой владетель Пронска – князь Владимир Дмитриевич. НЛ называет князя Владимира зятем Олега Рязанского⁷⁷. Это не обязательно означает, что Владимир Пронский был женат на дочери Олега Рязанского, поскольку зятем называли и мужа сестры. Отцом князя Владимира, по мнению А. Г. Кузьмина, был записанный в княжеский помянник синодика рязанского Свято-Духова монастыря князь Ярослав-Дмитрий Черниговский, которого, по нашему мнению, можно отождествить с князем

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. С. 17.

Дмитрием Брянским, упоминаемым в летописи под 1333 г.⁷⁸

Северский князь Дмитрий-Корибут Ольгердович был еще одним зятем Олега Рязанского, наряду с Юрием Смоленским и Иваном Козельским. Корибут был одним из самых активных противников политики Витовта по ограничению прав удельных князей, в том числе своих близких родственников. Несомненно, в своем противостоянии Витовту этот единоутробный брат Ягайло пользовался поддержкой своего тестя. По наблюдениям А. Г. Кузьмина, великий князь рязанский Олег Иванович имел довольно тесные отношения с Ягайло, по крайней мере до тех пор, пока последний не стал польским королем⁷⁹. В рамках этих отношений как раз и мог быть заключен брачный союз дочери Олега и брата Ягайло, Дмитрия-Корибута. В 1393 г. князь Дмитрий-Корибут был пленен Витовтом и лишен своего Новгород-Северского княжества. Его тесть Олег Рязанский в том же 1393 г. выступил поручителем за Корибута перед королем Владиславом Ягайло⁸⁰. Под поручительство великого князя рязанского Корибут был выпущен из заключения, но удел ему уже не вернули. Эти обстоятель-

ства не только дают версию о причинах «брянских претензий» Олега Рязанского, но и показывают его активную политику на «литовском направлении» еще до начала открытой войны с Витовтом.

После смерти Олега Рязанского. Как отмечалось выше, харизматичный рязанский князь вел активную и самостоятельную внешнюю политику. Он фактически создал коалицию из Рязанского, Смоленского и козельских князей. Эта коалиция образовала «третью силу» по отношению к ВКЛ и Московскому княжеству. Однако после смерти Олега Рязанского это политическое явление было полностью задавлено Витовтом и Василием Московским. Федор Ольгович Рязанский уже в 1402 г. заключил договор с Василием Московским, подчинившись его воле⁸¹. Козельск отошел к Москве, а часть козельских князей попали под власть Витовта. Смоленское княжество под военным напором Витовта в 1404 г. было ликвидировано и присоединено к ВКЛ.

Заключение.

Обобщив данные источников, делаем следующие выводы. Литовско-рязанские войны в полном виде отображены в МЛ: набег литвы на рязанскую землю зимой 1395/96 г., осада Олегом Рязанского Любутска, опустошительное вторжение на Рязанскую землю армии Витовта в октябре 1396 г., помощь Олега Рязанскому Юрию Смоленскому в захвате Смоленска путем заговора в августе 1401 г., поход рязанского войска на Любутск в июне

⁷⁸ ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 98. Рукописный сборник «Рязанские достопамятности». С. 39; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. С. 215; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 47.

⁷⁹ Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. С. 225.

⁸⁰ Грамоти XIV ст. / Упорядк., вступн. стаття, коментарі і словники-показчики М.М. Пещак. К., 1974. № 61. С. 118.

⁸¹ ДДГ. № 19. С. 52-55.

1402 г., поражение в битве под ним. Первая военная операция объясняется тем, что Юрий Смоленский пребывал в Рязани. Походы на Рязань литва могла производить только через Любутск, поэтому именно на него рязанцы и совершали походы. «Брянские претензии» рязанского князя, отображенные в сообщении о походе 1402 г., можно объяснить родственными отношениями Олега Рязанского с князьями, сидевшими на брянском престоле.

Дополнение «летописца великих князей литовских» о зимнем походе литвы (возглавлял его Лугвен, участие смоленской рати) может не являться фактом. Все сообщения летописей о литовско-рязанских войнах в 1393 и 1394 гг. можно смело назвать дубляжом события 1396 г. НЛ использовала рязанские сообщения о войнах с Литвой, но при этом была придумана целая условная «Повесть о войне Олега Рязанского с Витовтом Литовским», которая отмечена высоким стилем и существенно искажала реальность. Формулировка об участии в военных операциях Олега Рязанского «князей пронских, козельского, муромского» является поздним литературным штампом, лишь отчасти соответствующим политическим реалиям эпохи. Названные в НЛ операции Олега Рязанского (походы на абстрактную «Литву» в декабре 1395 и в августе 1401 г., осадная операция при захвате Смоленска), не названные в московском летописании, следует признать художественным вымыслом. Интерес – как сведения о реальных событиях – представляет описание тактики рязанцев против набега путем нападения на

загоны, а взгляд на описание зимнего набега литвы через рязанскую версию событий заставляет говорить, что этот набег был малоуспешным. Сообщение о захвате полона в походе на Любутск дополняет сведения МЛ.

Без знаний о географической и политической ситуации летописные повествования о рязанско-литовских войнах выглядят спорадическими столкновениями. Олег Рязанский старался проводить самостоятельную и активную внешнюю политику на разных направлениях, имел политические и родственные контакты с князьями Москвы, Брянска, Смоленска. Основным соседом Рязанского княжества, помимо Орды, было княжество Московское. Между владениями Олега Рязанского и Витовта располагались территории Верховских княжеств, которые представляли собой зоны влияния и владений Москвы, Рязани, Брянска, Смоленска. В таких условиях военные операции лишь дополняли политические игры. Смерть Олега Рязанского поставила точку в процессе раздела русских земель на «московскую» и «литовскую» сферы.

Библиография

Источники:

ОР РГБ. Ф. 256. Собрание графа Н. П. Румянцева. № 98. Рукописный сборник «Рязанские достопамятности».

Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Т.2. СПб., 1864.

Грамоты XIV ст. / Упорядк., вступн. стаття, коментарі і словники-показчики М. М. Пещак. К., 1974.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.

Древняя российская вивлиофика, изд. Н. И. Новиковым. Часть 6. М., 1788.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

Поменник Введенської церкви в Ближних Печерах Киево-Печерської Лаври / Упорядкування та вступна стаття Олексія Кузьмука // Лаврський альманах. Вип.18. Київ, 2007.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская четвертая летопись. Вып. 2. Л., 1925.

ПСРЛ. Т. 5. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851.

ПСРЛ. Т. 6. Софийская первая летопись старшего извода. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 11. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. М., 2000.

ПСРЛ. Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверскою летописью. СПб., 1863.

ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Рогожский летописец. Петроград., 1922.

ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.

ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV в. М., 2004.

ПСРЛ. Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М., 1980.

Редкие источники по истории России. М., 1977. Вып. 2. Новые родословные книги XVI в. / Подгот. М. Е. Бычкова.

Русская историческая библиотека. Т. 6. СПб., 1880.

Литература:

Беспалов Р. А. Исконная вотчина князей Огдыревских и Мезецких (по опубликованным источникам) // Город Средневековья и раннего Нового времени II (V): археология, история. Материалы V всероссийского семинара. Ноябрь 2013 г. Тула, 2016. С. 139–161.

Беспалов Р. А. Козельск в XV веке: очерк политической истории // Калужский край – доблестный щит земли русской. Материалы научного симпозиума. Калуга, 2-4 апреля 2013 г. Калуга, 2014. С. 37-43.

Беспалов Р. А. Литовско-московские отношения 1392–1408 годов в связи со смоленской, черниговской и рязанской политикой Витовта и Василия I. // Средневековая Русь.

Вып. 12, 2016. М., 2016. С. 129–182.

Беспалов Р. А. «Новое потомство» князя Михаила Черниговского по источникам XVI–XVII веков (к постановке проблемы) // Проблемы славяноведения. Сб. научных статей и материалов. Брянск, 2011. Вып. 13. С. 63-97.

Беспалов Р. А. Черниговский трезубец на вислых печатях XII века и клеймение им монет в 1370-х годах // Куликовская битва в истории России. Вып. 2. Тула, 2012. С. 129-147.

Горский А. А. Московские «примыслы» конца XIII–XV в. вне Северо-Восточной Руси // Средневековая Русь. М., 2004. Вып. 5.

Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.

Лицкевич О. В. Русские летописные источники «Летописца великих князей литовских» // *Więtoruskie Zeszyty Historyczne*. Беласто, 2017. С. 35-79.

Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М., 1950.

Темушев В. Н. Первая Московско-литовская пограничная война: 1486–1494. М., 2013.

Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979.

Фетищев С. А. К вопросу о присоединении Муром, Мещеры, Тарусы и Козельска к Московскому княжеству в 90-е гг. XIV в. // Российское государство в XIV–XVII вв. СПб., 2002. С. 31-39.

Шеков А. В. Верховские княжества. Середина XIII – середина XVI в. М., 2012.

Сведения об авторах

Бабенко Алексей Анатольевич, главный инженер ООО «Аэрван- Юг», г. Ростов-на-Дону (Россия). Область научных интересов: генеалогия русской и литовской знати XI–XVI вв.

E-mail: alexios@bk.ru

Комаров Олег Владимирович, участник Проблемного совета при Государственном Историческом музее, г. Москва (Россия). Область научных интересов: русская военная история XI–XVI вв.

E-mail: oleggg888@yandex.ru

A.A. Babenko, O. V. Komarov

THE WAR BETWEEN OLEG OF RYAZAN AND VYTAUTAS

Annotation: The article examines the wars between the Ryazan prince Oleg Ryazansky and the great Lithuanian prince Vitovt (Vytautas). The analysis of the chronicle data about

these wars is carried out. On the basis of documentary and chronicle sources, the political background of events is demonstrated.

Keywords: Ryazan, the Grand Duchy of Lithuania, Vitovt (Vytautas), Oleg Ivanovich, Smolensk, Lyubutsk, the Verkhovsky principalities.

References

Sources:

OR RGB [Department of manuscripts of the Russian state library]. F. 256. Sobraniye grafa N. P. Rumyantseva. No. 98. Rukopisnyj sbornik «Ryazanskiye dostopamyatnosti». (In Russian).

Akty, odnosyashchiesya do yuridicheskogo byta drevnej Rossii [Acts relating to the legal life of ancient Russia]. Vol. 2. St. Petersburg, 1864. (In Russian).

Gramoti XIV st. [Acts of XIV century]. / Uporyadk., vstupn. statty, komentari i slovniky-pokazhchiki M. M. Peshchak. Kiev, 1974. (In Ukrainian).

Dukhovnyye i dogovornyye gramoty velikih i udel'nyh knyazej XIV–XVI vv [Spiritual and contractual charters of the great and appanage Princes of the XIV–XVI centuries]. Moscow-Leningrad, 1950. (In Russian).

Drevnyaya rossijskaya vivliofika, izd. N. I. Novikovym [Ancient Russian vivliothechs, ed. N. I. Novikov]. Part 6. M., 1788. (In Russian).

Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [The first Novgorod chronicle senior and Junior nagged]. Moscow–Leningrad, 1950. (In Russian).

Pomennik Vvedens'koí tserkvi v Blizhnikh Pecherakh Kiyevo-Pechers'koí Lavri [Comemoration book of the Vvedenskaya Church in the Near Pechery of the Kiev-Pechersk Lavra] / Uporyadkuvannya ta vstupna statty Oleksiya Kuz'muka // Lavr'skiy al'manakh. Vip.18. Kiiv, 2007. (In Ukrainian).

PSRL. Vol. 4. P. 1. Novgorodskaya chetvertaya letopis'. Iss. 2. Leningrad, 1925. (In Russian).

PSRL. Vol. 5. Pskovskiye i Sofiyskiye letopisi. St. Petersburg, 1851. (In Russian).

PSRL. Vol. 6. Sofiyskaya pervaya letopis' starshego izvoda. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 10. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 11. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu. Moscow, 2000. (In Russian).

PSRL. Vol. 15. Letopisnyj sbornik, imenuyemyj Tverskoyu letopis'yu. St. Petersburg, 1863. (In Russian).

PSRL. Vol. 15. Iss. 1. Rogozhskij letopisets. Petrograd., 1922. (In Russian).

PSRL. Vol. 18. Simeonovskaya letopis'. Moscow, 2007. (In Russian).

PSRL. Vol. 25. Moskovskij letopisnyj svod kontsa XV v. Moscow, 2004. (In Russian).

PSRL. Vol. 35. Letopisi belorussko-litovskiy. Moscow, 1980. (In Russian).

Redkiye istochniki po istorii Rossii [Rare sources on the history of Russia]. Moscow, 1977.

Iss. 2. *Novyye rodoslovnyye knigi XVI v. / Podgot. M. Ye. Bychkova. (In Russian).*

Russkaya istoricheskaya biblioteka [Russian historical library]. Vol. 6. St. Petersburg, 1880. (In Russian).

Researches:

Bespalov R. A. Iskonnaya votchina knyazej Ogdyrevskikh i Mezetskikh (po opublikovannym istochnikam) [Primordial patrimony of the Ogdyrevsky and Mezetsky princes (according to published sources)] // Gorod Srednevekov'ya i rannego Novogo vremeni II (V): arkheologiya, istoriya. Materialy V vserossiyskogo seminar. Noyabr' 2013 g. Tula, 2016. (In Russian).

Bespalov R. A. Kozel'sk v XV veke: ocherk politicheskoy istorii [Kozelsk in the XV century: an essay on political history] // Kaluzhskij kray – doblestnyj shchit zemli russkoj. Materialy nauchnogo simpoziuma. Kaluga, 2-4 aprelya 2013 g. Kaluga, 2014. (In Russian).

Bespalov R. A. Litovsko-moskovskie otnosheniya 1392–1408 godov v svyazi so smolenskoj, chernigovskoj i ryazanskoj politikoj Vitovta i Vasiliya I [Lithuanian-Moscow relations of 1392–1408 in connection with the Smolensk, Chernihiv and Ryazan policies of Vytautas and Vasily I] // Srednevekovaya Rus'. Iss. 12, 2016. Moscow, 2016.

Bespalov R. A. «Novoye potomstvo» knyazya Mikhaila Chernigovskogo po istochnikam XVI-XVII vekov (k postanovke problemy) [“New offspring” of Prince Mikhail of Chernigov according to the sources of the XVI–XVII centuries (to the problem statement)] // Problemy slavyanovedeniya. Sb. nauchnykh statej i materialov. Bryansk, 2011. Iss. 13. (In Russian).

Bespalov R. A. Chernigovskiy trezubets na vislykh pechatyakh XII veka i klejmeniye im monet v 1370-h godah [Chernihiv Trident on the Visly seals of the XII century and its branding of coins in the 1370s] // Kulikovskaya bitva v istorii Rossii. Iss. 2. Tula, 2012. (In Russian).

Gorskij A. A. Moskovskie «primysly» kontsa XIII–XV v. vne Severo-Vostochnoy Rusi [Moscow “primysly” of the end of the XIII–XV century outside of North-Eastern Russia] // Srednevekovaya Rus'. Iss. 5. Moscow, 2004. (In Russian).

Kuz'min A. G. Ryazanskoye letopisaniye: Svedeniya letopisej o Ryazani i Murome do serediny XVI v. [Ryazan chronicle: Information about the annals of Ryazan and Murom to the middle of the XVI century]. Moscow, 1965. (In Russian).

Litskevich O. V. Russkiye letopisnyye istochniki «Letopistsa velikikh knyazey litovskikh» [Russian chronicle sources “Chronicler of the Grand Dukes of Lithuania”] // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. Belastok, 2017. (In Russian).

Priselkov M. D. Troitskaya letopis'. Rekonstruktsiya teksta [Trinity chronicle. Reconstruction of the text]. Moscow, 1950. (In Russian).

Temushev V. H. Pervaya Moskovsko-litovskaya pogranichnaya vojna: 1486-1494 [The First Moscow-Lithuanian border war: 1486-1494]. Moscow, 2013. (In Russian).

Tikhomirov M. N. Russkoye letopisaniye [Russian chronicle]. Moscow, 1979. (In Russian).

Fetishchev S. A. К вопросу о присоединении Muroma, Meshchery, Tarusy i Kozel'ska k Moskovskomu knyazhestvu v 90-ye gg. XIV v. [On the question of joining Murom, Meshchera, Tarusa and Kozelsk to the Moscow Principality in the 90s of the XIV century. // Rossijskoye gosudarstvo v XIV–XVII vv. St. Petersburg, 2002. (In Russian).

Shekov A. V. Verkhovskiy knyazhestva. Seredina XIII – seredina XVI v. [Verkhovskie principalities. The middle of the XIII – the middle of XVI]. Moscow, 2012. (In Russian).

About the authors

Babenko Aleksey A., chief engineer of Aervan-South LLC, Rostov-on-Don (Russia).

E-mail: alexios@bk.ru

Komarov Oleg V., member of the Problem Council at the State Historical Museum, Moscow (Russia). Research interests: Russian military history of the XI–XVI centuries.

E-mail: oleggg888@yandex.ru